

пробѣгаемому ею, — отъ одной страны къ другой, — великія теченія литературы нашего вѣка.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отношенія между поэзією и критикою были весьма натянуты. Каждое новое блюдо отсылалось предварительно на пробу критики, и по ея гримасѣ судили о томъ, хорошо ли блюдо, или оно заключаетъ въ себѣ отраву. Вотъ почему сборники поэмъ въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка переполнены упреками и укоризнами критикѣ, отравляющей жизнь поэтамъ и художникамъ. Позже, критика и поэзія сближаются другъ съ другомъ. Въ то время, какъ критика сдѣлалась синтетическою, и поэзія испытала на себѣ нѣчто подобное — вслѣдствіе постепенныхъ завоеваній со стороны естественныхъ наукъ въ области новѣйшей интеллектуальной жизни.

Въ началѣ этого вѣка, фантазія считалась способностью собственно поэтической; даръ творчества дѣлалъ поэтомъ писателя, и поэтъ чувствовалъ себя въ сверхъестественномъ мірѣ такъ же хорошо, какъ бы онъ находился въ мірѣ всѣмъ извѣстномъ. Но когда поэзія отказалась отъ витанія въ воздушныхъ пространствахъ и сдѣлала попытку къ тому, чтобы понимать, вмѣсто того чтобы выдумывать, — и поэтъ и критикъ весьма приблизились другъ къ другу. Романъ сдѣлался психологією. Въ наши дни романистъ и критикъ имѣютъ общую точку отправленія — умственную среду данной эпохи. И только въ такой обстановкѣ являются тѣ человѣческія фигуры, которыя изображаются въ литературѣ. Романистъ желаетъ обрисовать и объяснить характеръ дѣйствія человѣка; критикъ — письменнаго произведенія. Дѣйствіе человѣка и литературное произведеніе являются такимъ образомъ результатами, которые человѣкъ и писатель, побуждаемые дѣйствительною или кажущеюся необходимостью, производятъ въ моментъ встрѣчи извѣстныхъ внутреннихъ и внешнихъ предрасположеній. Изъ наблюдений надъ характеромъ человѣка романистъ заключаетъ о возможныхъ его дѣйствіяхъ; критикъ же изъ наблюдений надъ произведеніемъ заключаетъ о характерѣ лица, создавшего это произведеніе.

Критика, понимаемая какъ даръ, силою котораго можно преодолѣть первобытную ограниченность нашей природы, была всегда главнымъ свойствомъ всѣхъ великихъ поэтовъ нашего вѣка.

Такая критика весьма справедливо была названа младшею изъ музъ, Сандрильоною, десятою музою.

Взятая съ еще болѣе широкой точки зрѣнія, какъ склонность къ всестороннему изслѣдованію, какъ способность подвер-